

"Сначала отправь хозяина домой". сказал Хэ Ли, протягивая руку, чтобы поднять тело Ян Чжао.

Лин Цинъюй крепко обнимала труп Ян Чжао и молча смотрела на Хэ Ли черными глазами. Из-за белой метки из пяти пальцев, которую Хэ Ли шлепнул в кровь, ее лицо казалось изможденным. Последний взгляд.

Позади него раздался крик, который невозможно было подавить. Из рта Хэ Ли шла горечь и пахло сладкой кровью, но он все еще тепло улыбался и пробормотал: "Ну же, генерал, генерал. Сначала отдай мне тело, а потом отвезем генерала домой".

Линь Цинъюй подхватил Ян Чжао, прижал свое лицо к его лицу и посмотрел в сторону Хэ Ли с плеча Ян Чжао.

"Прости, хозяин, ты можешь наказать меня, когда будешь возвращаться". Хэ Ли улыбнулся и сказал, одной рукой резанув Линь Цинъю по спине ножом, и прямо оглушил ее.

Гао Лю и остальные, хотя и были в жестокой печали, все еще ошарашенно смотрели на Хэ Ли, когда он вынес тело Ян Чжао и передал его Инь Тинъань, а затем поднял Лин Цинъюй.

Хэ Ли! Настоящий мужчина! Смеем щипать жир!

"Возьмите тела братьев и отнесите их обратно. Как команда, давайте вернем генерала обратно!" Хэ Ли встал и сказал глубоким голосом.

Когда Шань Фу, который наконец-то вырвался из окружения и подавления, нашел главный лагерь Сяо Суй и сообщил, что по крайней мере 50 000 кавалерии вышли из Хэйшуйгуань и убили больше половины из 80 000, которых они преследовали, Сяо Суй повел людей броситься к Хэйшуйгуань, но увидел только конец красноармейской кавалерии, которая отступила аккуратно в ворота.

Хотя Ельвци был полностью решен и 100 000 новых войск семьи Чжао были уничтожены, его собственные войска также были съедены более чем 100 000 человек в Хэйшуйгуане. Когда он услышал, что у Ян Чжао девятьсот человек сражаются с Чжан Эрху, обе стороны погибли вместе. Когда Чжао Е погиб в битве, Сяо Суй был не так счастлив, как ожидалось.

Такой человек заслуживает уважения, даже если он враг. Такой человек не должен был погибнуть в этом заговоре.

Армия семьи Чжао отправила 400 000 солдат. 150 000 человек были атакованы и отступили, когда напали на Ючжоу. Их преследовала армия Сяо Суй и потеряла 50 000 человек. Новая армия семьи Чжао потерпела прямое поражение. Хэ Ли, генерал охраны Шуйгуань, понял, что что-то не так, и послал людей для поддержки и защиты каньона, и спас 10 000 человек, включая второго принца, а Ян Чжао привел 10 000 элиты с 20 000 пехоты, чтобы захватить уезд Хунюань, уезд Ин и убить Гуана. 25-тысячная армия Ляо в Ючжоу, уезд Лин, разгромила подкрепления Юньчжоу, убила более 20 000 врагов, а на обратном пути к Золотому берегу убила более 20 000 врагов. В долине реки Саньган Хэ Лишуйгуань, заместитель генерала, возглавил подкрепления Убил более 60 000 врагов.

С таким послужным списком никто не может игнорировать последний результат - Ян Чжао, который утверждал, что побеждает во всех битвах, погиб в бою.

В уездном центре округа Дайсянь раскинулись равнины, каждая семья установила за дверью поминальные навесы, все плакали, и весь город окутала печальная атмосфера.

Но в генеральском особняке было тихо.

На кровати лежало очищенное тело Ян Чжао. Ледяной нефрит во рту сохранял его лицо гладким и белым. Длинные ресницы прикрывали его глаза, а улыбка в уголках рта делала его красивое лицо не более привлекательным. Оно не такое холодное, как раньше, но с мягким и нежным смыслом.

Линь Цинъюй сидела у кровати и наблюдала за ним весь день и ночь. Не было ни слез, ни грустных выражений. Он просто сидел на кровати, обхватив колени обеими руками, и смотрел на его спящее лицо.

Алан стоял у двери и смотрел на нее, от боли в сердце у него текли слезы, услышав шум за дверью, он поспешно повернулся и посмотрел на дверь во двор.

Янь Цайфэй вскочила и вбежала прямо в комнату со стороны Алана, но затем решительно встала у кровати, посмотрела на Ян Чжао, а затем с крайним сожалением посмотрела в глаза Линь Циню.

Глаза Линь Цинъюя все еще смотрели на Ян Чжао, голос его был все еще хриплым, но тон был очень ровным и сказал: "Я хочу восстать".

"Хорошо!" Янь Ци встал на колени у изголовья кровати и ответил.

Уголок глаз Алан подскочил, только она подумала, не хочет ли она избежать ее, Ин Шисань тоже прошла мимо нее, слегка приостановилась у двери, затем подошла к Янь Ци и опустилась на колени.

"Я хочу восстать", - негромко сказала Линь Цинъюй: "Если ты хочешь убить императора собак, если они не дадут нам способ выжить, тогда они найдут способ выжить".

"Хорошо!" снова ответил Янь Ци, затем резко встал и сказал: "Иди".

Ин Шисань посмотрел на Линь Цинъюя, затем встал и последовал за Янь Ци наружу.

"Ребята, остановитесь!" воскликнул Алан в шоке, - Так? Это собирается убить императора?

Удивленный ее криком, взгляд Линь Цинъюя оставил Ян Чжао, повернулся к двери, а затем позвал: "Янь Ци".

Свет в ее глазах постепенно восстановился, а затем она снова позвала, как подтверждение: "Янь Ци? Тринадцать?"

Янь Ци и Ин Шисань повернули головы, вернулись к кровати, опустились на одно колено, Янь Ци взял ее за руку и сказал: "Если ты так хочешь, Янь Ци сделает это. Ты должна восстать, давай восстанем и убьем императора, давай убьем императора".

Линь Цинъюй склонила голову на колени, глядя на постепенно проясняющееся лицо перед собой, а затем на теплый и яркий солнечный свет, освещающий кровать, его глаза снова задвигались, и он посмотрел на пышное дерево за окном.

"Янь Ци, могу ли я делать все, что захочу?" мягко спросил Линь Цинъюй.

"Да!" Янь Ци подняла руку, нежно погладила пальцами щеку и сказала: "Мы сделаем все, что ты хочешь, но это всего лишь большой шрам".

В мире, где тьма и тишина разбиваются на куски, я один спрашиваю себя: почему это происходит? Почему позволил себе опуститься до такого состояния? Подавляю свои желания, подавляю свою природу и пытаюсь приспособиться к здешним правилам. Я не хочу вмешиваться в траекторию этого мира, и я не хочу влиять на мир из-за себя. Я просто хочу парить в широком мире со своей любовью. В мире, просто такое маленькое желание...

Но я не смог выполнить ни одного из них. Результат компромиссов и отступлений, чтобы усугубить себя, чтобы принять правила этого мира, но я не смог сохранить ни одно из них. Раз уж вы собираетесь отрезать мне крылья, чтобы я больше не мог летать, то...

Пусть твои правила идут к черту! Раз уж из-за этого я упал на землю, то не вини меня в том, что я перевернул тебя вверх тормашками!

В глазах Линь Цинъюй полыхнул черный гнев, а на его безжизненном лице появилось злобное выражение. Вместо этого он взял Янь Ци за руку и пристально посмотрел на Янь Ци. Линь Цинъюй спросил: "Янь Ци, я готов отдать свою жизнь Мне? Дорога, по которой я должен идти, является тупиковой, не хочешь ли ты пойти со мной?"

Янь Ци улыбнулась, на ее нежном и вульгарном лице, казалось, появился луч света, склонила голову и поцеловала руки им двоим, и сказала: "Жизнь Янь Ци уже твоя. Не за что, просто возьмите ее. Используйте ее".

Линь Цинъюй посмотрел на Ин Тринадцатую, которая стояла в стороне, Ин Тринадцатая тоже улыбнулась и сказала: "Тринадцатой еще нужно доказывать?"

"А как насчет девяти?" Линь Цинъюй посмотрел на Алана и спросил.

"Я принял для него лекарство, но он все еще спит". Алан поддержал дверь и сказал. Когда Хэ Ли послал кого-то отправить его обратно, Ин Цзю мог только вздохнуть с облегчением, но даже так, если бы Хэ Ли не упал в обморок, боюсь, что ему все равно придется спешить обратно на поле боя.

"Алан", - Линь Цинъюй посмотрел на нее, черное пламя в его глазах запульсировало странным светом, и сказал: "Давай сыграем в игру!"

"Что?" Алан была поражена.

Линь Цинъюй наклонил голову, жестоко усмехнувшись уголком рта, и сказал: "Давайте сыграем в игру, которая перевернет весь мир. Эти принцы, премьер-министры и император, Чжао Минлян и Сяо Суй, разве они все не хотят этот мир? Тогда давайте тоже повеселимся, с чего начать?" сказал Линь Цинъюй, закатив глаза и глядя на слабую фигуру за дверью: "Хань Мян, как насчет того, чтобы начать с десяти долларов?"

Хань Янь медленно вошел от двери, его лицо было торжественным, он посмотрел на Линь Цинъюя и сказал: "Просто так?"

Линь Циньюй усмехнулся, но его глаза были совершенно холодными, и сказал: "Разве ты не всегда хотел, чтобы эта страна изменилась? Я уже говорил тебе, что фундамент этой страны плох, даже если то, над чем мы усердно работали, на самом деле изменилось. Это просто мех. Пока начальство шевелит пальцами, все тщетно. Только изменив фундамент, эта страна может иметь возможность, как вы хотите, измениться. А что является основой? Император этой страны, те, кто у власти, Суд, те, кто устанавливает правила игры".

Потянувшись, держась за плечи Янь Ци, Линь Циньюй встала с кровати, и когда она коснулась пола босыми ногами, прохлада заставила ее слегка вздрогнуть, и шаг за шагом подошла к Хань Мяню, Линь Циньюй посмотрела ему в глаза. Сказал: "Я хочу переписать этот фундамент и восстановить правила. Если они хотят играть, мы будем играть с ними".

"Тогда какие у тебя правила? Переписать эту основу, что за страну ты хочешь построить?" Глубокие глаза Хань Яня и Линь Циньюй смотрели прямо друг на друга, глядя в темные глаза, у которых, казалось, не было дна. , Спросил.

Построить страну? Линь Циньюй опустила глаза. В гневе она хотела лишь разрушить эту страну. Да, после того, как она была разрушена, она все равно должна была встать, но какую страну построить?

Линь Циньюй медленно поднял глаза, повернул голову, чтобы посмотреть на голубое небо за окном, и прошептал: "Что это за страна? Это страна, где люди могут жить с достоинством, равенством и свободой. Каждый человек способен есть и носить тепло, независимо от того, как люди, фермеры, бизнесмены и коммерсанты - все одинаковы, полагаются на свой собственный труд, чтобы получить соответствующие результаты и соответствующий социальный статус. Солдаты охраняют родину и сражаются насмерть во славу нашей нации, а не ради нескольких высокопоставленных лидеров. Эгоистичные желания людей умрут, Хань Янь, то, чего я хочу... это страна, где люди могут жить мирно и счастливо".

Глядя на птиц, летавших в небе в тот день, Линь Циньюй сделал паузу и продолжил: "Однако ни одна социальная система не может добиться абсолютного равенства и свободы. В лучшем случае, мы можем только совершенствоваться и делать все возможное."

"Так!" Хань Янь медленно показал улыбку на своем лице, одним рукавом, ногами встал на колени на землю, голову положил на руки, и сказал: "Хань Янь будет следовать за ним до самой смерти!"

"Сначала отправь мастера домой". сказал Хэ Ли, протягивая руку, чтобы поднять тело Ян Чжао.

Линь Циньюй крепко обнимала труп Ян Чжао и молча смотрела на Хэ Ли черными глазами. Из-за белой метки из пяти пальцев, которую Хэ Ли шлепнул в кровь, ее лицо казалось изможденным. Последний взгляд.

Позади него раздался крик, который невозможно было подавить. Из рта Хэ Ли шла горечь и пахло сладкой кровью, но он все еще тепло улыбался и пробормотал: "Ну же, генерал, генерал. Сначала отдай мне тело, а потом отвезем генерала домой".

Линь Циньюй подхватил Ян Чжао, прижал свое лицо к его лицу и посмотрел в сторону Хэ Ли с плеча Ян Чжао.

"Прости, хозяин, ты можешь наказать меня, когда будешь возвращаться". Хэ Ли улыбнулся и сказал, одной рукой резанув спину Линь Циньюй ножом, а другой прямо оглушил ее.

Гао Лю и остальные, хотя и были в жестокой печали, все еще ошарашенно смотрели на Хэ Ли, который вынес тело Ян Чжао и передал его Инь Тинъань, а затем поднял Лин Цинъюй.

Хэ Ли! Настоящий мужчина! Посмел ущипнуть толстяка!

"Возьмите тела братьев и отнесите их обратно. Как команда, давайте вернем генерала обратно!" Хэ Ли встал и сказал глубоким голосом.

Когда Шань Фу, который наконец-то вырвался из окружения и подавления, нашел главный лагерь Сяо Суй и сообщил, что по крайней мере 50 000 кавалерии вышли из Хэйшуйгуань и убили больше половины из 80 000, которых они преследовали, Сяо Суй повел людей броситься к Хэйшуйгуань, но увидел только конец красноармейской кавалерии, которая отступила аккуратно в ворота.

Хотя Ельвци был полностью решен и 100 000 новых войск семьи Чжао были уничтожены, его собственные войска также были съедены более чем 100 000 человек в Хэйшуйгуане. Когда он услышал, что у Ян Чжао девятьсот человек сражаются с Чжан Эрху, обе стороны погибли вместе. Когда Чжао Е погиб в битве, Сяо Суй был не так счастлив, как ожидалось.

Такой человек заслуживает уважения, даже если он враг. Такой человек не должен был погибнуть в этом заговоре.

Армия семьи Чжао отправила 400 000 солдат. 150 000 человек были атакованы и отступили, когда напали на Ючжоу. Их преследовала армия Сяо Суй и потеряла 50 000 человек. Новая армия семьи Чжао потерпела прямое поражение. Хэ Ли, генерал охраны Шуйгуань, понял, что что-то не так, и послал людей для поддержки и защиты каньона, и спас 10 000 человек, включая второго принца, а Ян Чжао привел 10 000 элиты с 20 000 пехоты, чтобы захватить уезд Хунюань, уезд Ин и убить Гуана. 25-тысячная армия Ляо в Ючжоу, уезд Лин, разгромила подкрепления Юньчжоу, убила более 20 000 врагов, а на обратном пути к Золотому берегу убила более 20 000 врагов. В долине реки Саньган заместитель генерала Хэ Лишуйгуань во главе подкреплений убил более 60 000 врагов.

С таким послужным списком никто не может игнорировать последний результат, что Ян Чжао, который утверждал, что побеждает во всех битвах, погиб в бою.

В уездном центре округа Дайсянь раскинулись равнины, и каждая семья установила за дверью поминальные навесы, плакали, и весь город окутала печальная атмосфера.

Но в генеральском особняке было тихо.

На кровати лежало очищенное тело Ян Чжао. Ледяной нефрит во рту сохранял его лицо гладким и белым. Длинные ресницы прикрывали его глаза, а улыбка в уголках рта делала его красивое лицо не более привлекательным. Оно не такое холодное, как раньше, но с мягким и нежным смыслом.

Линь Цинъюй сидела у кровати и наблюдала за ним весь день и ночь. Не было ни слез, ни грустных выражений. Он просто сидел на кровати, обхватив колени обеими руками, и смотрел на его спящее лицо.

Алан стоял у двери и смотрел на нее, от боли в сердце у него текли слезы. Услышав шум за дверью, он поспешно повернулся и посмотрел на дверь во двор.

Янь Цайфэй поспешно вошла в комнату со стороны Алана, но потом решительно встала у кровати, посмотрела на Ян Чжао, а затем с крайним сожалением взглянула в глаза Линь Цинъюя.

Глаза Линь Цинъюя все еще смотрели на Ян Чжао, голос его был все еще хриплым, но тон был очень ровным и сказал: "Я хочу восстать".

"Хорошо!" Янь Ци встал на колени у изголовья кровати и ответил.

Уголок глаз Алан подскочил, только она подумала, не хочет ли она избежать ее, Ин Шисань тоже прошла мимо нее, слегка приостановилась у двери, затем подошла к Янь Ци и опустилась на колени.

"Я хочу восстать", - негромко сказала Линь Цинъюй: "Если ты хочешь убить императора собак, если они не дадут нам способ выжить, тогда они найдут способ выжить".

"Хорошо!" снова ответил Янь Ци, затем резко встал и сказал: "Иди".

Ин Шисань посмотрел на Линь Цинъюя, затем встал и последовал за Янь Ци наружу.

"Ребята, остановитесь!" Алан воскликнул в шоке, верно?

Это собирается убить императора?

Удивленный ее криком, взгляд Линь Цинъюя оставил Ян Чжао, повернулся к двери, а затем позвал: "Янь Ци".

Свет в ее глазах постепенно восстановился, а затем она снова позвала, как подтверждение: "Янь Ци? Тринадцать?"

Янь Ци и Ин Шисань повернули головы, вернулись к кровати, опустились на одно колено, Янь Ци взял ее за руку и сказал: "Если ты так хочешь, Янь Ци сделает это. Ты должна восстать, давай восстанем и уьем императора, давай уьем императора".

Линь Цинъюй склонила голову на колени, глядя на постепенно проясняющееся лицо перед собой, а затем на теплый и яркий солнечный свет, освещающий кровать, его глаза снова задвигались, и он посмотрел на пышное дерево за окном.

"Янь Ци, могу ли я делать все, что захочу?" мягко спросил Линь Цинъюй.

"Да!" Янь Ци подняла руку, нежно погладила пальцами щеку и сказала: "Мы сделаем все, что ты хочешь, но это всего лишь большой шрам".

В мире, где тьма и тишина разбиты на куски, я один спрашиваю себя, почему это происходит? Почему позволил себе опуститься до такого состояния? Подавляю свои желания, подавляю собственную природу и пытаюсь приспособиться к здешним правилам. Я не хочу вмешиваться в траекторию этого мира, и я не хочу влиять на мир из-за себя. Я просто хочу парить в широком мире со своей любовью. В мире, просто такое маленькое желание...

Но я не смог выполнить ни одного из них. Результат компромиссов и отступлений, чтобы усугубить себя, чтобы принять правила этого мира, но я не смог сохранить ни одно из них. Раз уж вы собираетесь отрезать мне крылья, чтобы я больше не мог летать, то...

Пусть твои правила идут к черту! Раз уж из-за этого я упал на землю, то не вини меня в том,

что я перевернул тебя вверх тормашками!

В глазах Линь Циньюй полыхнул черный гнев, а на его безжизненном лице появилось злобное выражение. Вместо этого он взял Янь Ци за руку и пристально посмотрел на Янь Ци. Линь Циньюй спросил: "Янь Ци, я готов отдать свою жизнь за тебя?"

Дорога, по которой мне нужно идти, - это тупик, не хотите ли вы пойти со мной?"

Янь Ци улыбнулась, на ее нежном и вульгарном лице, казалось, появился луч света, склонила голову и поцеловала руки им двоим, и сказала: "Жизнь Янь Ци уже твоя. Не за что, просто возьмите ее. Используйте ее".

Линь Циньюй посмотрел на Ин Тринадцатую, которая стояла в стороне, Ин Тринадцатая тоже улыбнулась и сказала: "Тринадцатой еще нужно доказывать?"

"А как насчет девяти?" Линь Циньюй посмотрел на Алана и спросил.

"Я принял для него лекарство, но он все еще спит". Алан поддержал дверь и сказал. Когда Хэ Ли послал кого-то отправить его обратно, Ин Цзю мог только вздохнуть с облегчением, но даже так, если бы Хэ Ли не упал в обморок, боюсь, что ему все равно придется спешить обратно на поле боя.

"Алан", - Линь Циньюй посмотрел на нее, черное пламя в его глазах запульсировало странным светом, и сказал: "Давай сыграем в игру!"

"Что?" Алан была поражена.

Линь Циньюй наклонил голову, жестоко усмехнувшись уголком рта, и сказал: "Давайте сыграем в игру, которая перевернет весь мир. Эти принцы, премьер-министры, император, Чжао Минлян и Сяо Суй, разве они все не хотят этот мир? Тогда давайте тоже повеселимся, с чего начать?" сказал Линь Циньюй, закатив глаза и глядя на слабую фигуру за дверью: "Хань Мянью, как насчет того, чтобы начать с десяти долларов?"

Хань Янь медленно вошел от двери, его лицо было торжественным, он посмотрел на Линь Циньюя и сказал: "Просто так?"

Линь Циньюй усмехнулся, но его глаза были совершенно холодными, и сказал: "Разве ты не всегда хотел, чтобы эта страна изменилась? Я уже говорил тебе, что фундамент этой страны плох, даже если то, над чем мы упорно работали, на самом деле изменилось. Это просто мех. Пока начальство шевелит пальцами, все тщетно. Только изменив фундамент, эта страна может иметь возможность, как вы хотите, измениться. А что такое фундамент?"

Император этой страны, те, кто у власти, Суд, те, кто устанавливает правила игры."

Потянувшись, держась за плечи Янь Ци, Линь Циньюй встала с кровати, и когда она коснулась пола босыми ногами, прохлада заставила ее слегка вздрогнуть, и шаг за шагом подошла к Хань Мянью, Линь Циньюй посмотрела ему в глаза. Сказал: "Я хочу переписать этот фундамент и восстановить правила. Если они хотят играть, мы будем играть с ними".

"Тогда какие у тебя правила? Переписать эту основу, что за страну ты хочешь построить?" Глубокие глаза Хань Яня и Линь Циньюй смотрели прямо друг на друга, глядя в темные глаза, у которых, казалось, не было дна. , Спросил.

Построить страну? Линь Цинъюй опустила глаза. В гневе она хотела лишь разрушить эту страну. Да, после того, как она была разрушена, ей все равно нужно было встать, но какую страну строить? Линь Цинъюй медленно поднял глаза, повернул голову, чтобы посмотреть на голубое небо за окном, и прошептал: "Какую страну? Это страна, где люди могут жить с достоинством, равенством и свободой. Каждый человек способен есть и носить тепло, независимо от того, как люди, фермеры, бизнесмены и коммерсанты - все одинаковы, полагаются на свой собственный труд, чтобы получить соответствующие результаты и соответствующий социальный статус. Солдаты охраняют родину и сражаются насмерть во славу нашей нации, а не ради нескольких высокопоставленных лидеров. Эгоистичные желания людей умрут, Хань Янь, то, чего я хочу... это страна, где люди могут жить мирно и счастливо".

Глядя на птиц, летавших в небе в тот день, Линь Цинъюй сделал паузу и продолжил: "Однако ни одна социальная система не может добиться абсолютного равенства и свободы. В лучшем случае, мы можем только совершенствоваться и делать все возможное."

"Так!" Хань Янь медленно показал улыбку на своем лице, одним рукавом, ногами встал на колени на землю, голову положил на руки, и сказал: "Хань Янь будет следовать за ним до самой смерти!"

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2533703>